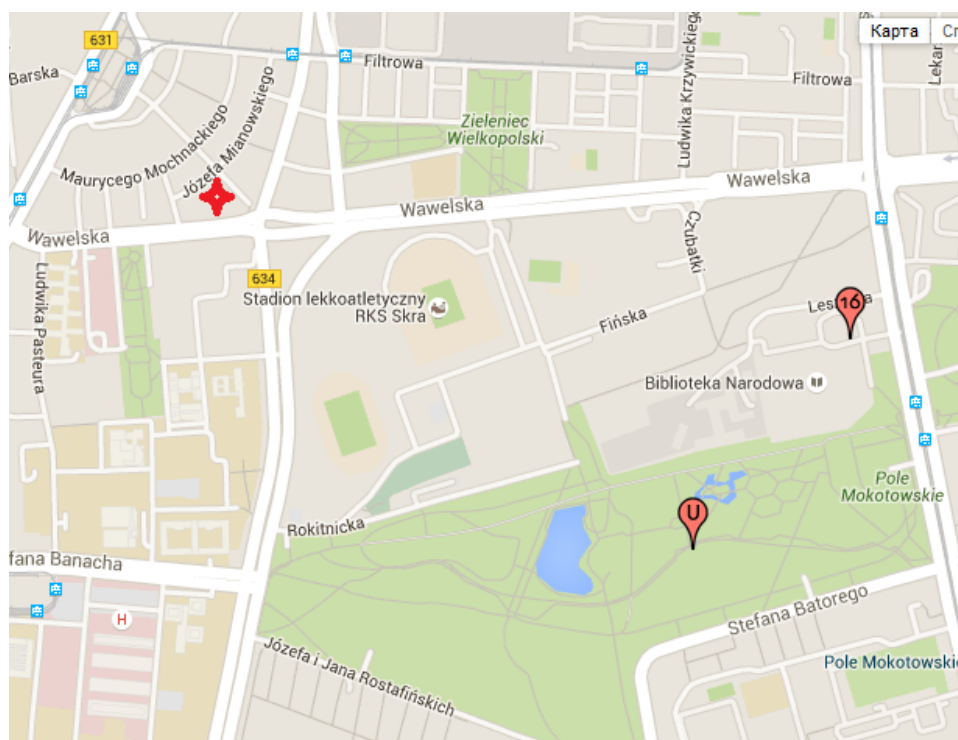

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКА ВАРШАВСКОГО ВОССТАНИЯ

Батальон 'Parasol' был созданным в 1943 г. элитным подразделением Армии Крайовой. Его командир, майор Адам Борис (Adam Boris), воевал в Европе в составе британских войск и прошел спецподготовку в Англии. В 1942 г. он был заброшен на парашюте в Польшу и затем отобрал в свой батальон имевших опыт подпольной работы молодых варшавян. В 1943-44 гг. батальон осуществил множество покушений на сотрудников Гестапо и высокопоставленных нацистов, ответственных за террор, развязанный на оккупированных польских территориях. На счету батальона были также атаки из засад на немецкие автомобили и грузовики и подрывы эшелонов, направлявшихся на Восточный фронт. Батальон намечал и контролировал участки сброса оружия, боеприпасов и военных материалов с самолетов RAF. Предполагалось, что подразделение, в итоге, вольется в боевую группу польских десантников, которые придут в Польшу в период восстания. Солдаты батальона даже прошли обучение десантированию на парашютах, используя специально возведенные в глухих лесах вышки. На долю батальона пришлось противостояние наиболее ожесточенным атакам немцев и коллаборационистских сил в период Варшавского восстания. В боях это подразделение потеряло 70% личного состава. Рассказывает солдат батальона Andrzej Ulankiewicz (Анджей Уланкевич).

... Наконец наступило 1 августа 1944 г. Наш штаб в тот момент находился в большой квартире взводного офицера по имени Zdzislaw 'Maecenas' Sanecki, расположенной в большом пятиэтажном жилом комплексе, ограниченном улицами *Uniwersytecka*, *Mianowskiego*, *Pluga* и *Wawelska*. Напротив комплекса располагалось массивное, но полностью сгоревшее здание военно-морского министерства, поле *Mokotow* (преимущественно парковая зона), несколько двухэтажных зданий и сады напротив Института Марии Кюри Складовской (онкологический центр). На противоположной стороне улицы *Uniwersytecka* находился ряд неразрушенных четырехэтажных жилых зданий. На пересечении улиц *Wawelska*, *Raszyńska* и *Uniwersytecka* располагалась бывшая Школа Политических Наук, в которой закрепилась сильная группа эсэсовцев. На соседней улице *Mochnicki*, на пересечении с площадью *Narutowicz*, находилось огромное десятиэтажное здание, бывшее студенческое общежитие, теперь занятое несколькими сотнями немецких полицейских. Это здание доминировало над всем районом *Ochota*. В парковой зоне *Mokotow* располагались батареи зенитных орудий. Таким образом, мы были окружены укрепленными, занятыми немцами узлами обороны.

Район Варшавы, в котором находился узел обороны группы повстанцев (помечен красным крестом), в которую входил Анджей Уланкевич

В наш небольшой отряд, входивший в батальон *Parasol*, входили 'Maecenas' (младший офицер Zdzislaw Sanecki/Здислав Занецки), 'Zaruta' (младший офицер Janusz Kwiatkowski/Януш Квятковски), 'Januszek' (Янушек, настоящее имя неизвестно), посыльные-санитарки 'Janka' (Janina Staniewicz/Янина Станиевич), 'Black Danka' (Danuta Witkowska/Данута Витковска), 'Aba' (Аба – настоящее имя неизвестно) и я. Около часа дня мы вышли на улицу с Данкой и Зарутой, чтобы испытать наши бутылки с зажигательной смесью. На улицах *Uniwersytecka* и *Raszynska* не было машин, мы заметили только нескольких пешеходов. Мы проходили вдоль по улице *Raszynska* мимо занятой эсэсовцами Школы Политических Наук, когда у Заруты появилась идея напугать нашими «бомбами» немцев. Он швырнул одну из бутылок, которая разбилась о фонарный столб. Вспыхнул огонь, и я бросил еще одну бутылку, которая разбилась о край тротуара. Немцы никак на это не отреагировали, и мы бегом направились к улице *Filtrowa*. Вернувшись на улицу *Wawelska*, мы стали с нетерпением подождать грузовик, который должен был доставить нас и наш груз «коктейлей Молотова» в район *Wola*. Время клонилось к часу «W» (от польского слова *wybuch* – вспышка – начало восстания) – 17.00. Неожиданно мы утонули в грохоте пулеметных очередей. Из окна мы увидели группу повстанцев, которых можно было опознать по красно-белым нарукавным повязкам. Они вели огонь по бывшему студенческому общежитию – теперь эсэсовской крепости. Эсэсовцы, дислоцированные на улице, тоже оказались под огнем. Мы смотрели друг на друга, думая с возмущением: «Черт, они начали без нас. Наши парни из района *Wola* подвели нас!» После недолгого совещания мы решили дожидаться ночи и затем вступить в контакт с местным командованием, если только до этого парни из района *Wola* сами не найдут нас. Огонь из стрелкового оружия, разрывы гранат не утихали весь вечер. В основном, были слышны немецкие пулеметы, у повстанцев в районе *Ochota* пулеметов вообще не было. Мы оценивали ситуацию как безнадежную, сравнивая наши и силы и силы противостоящих нам немцев.

Лейтенанты Януш и Раранца (*Rarancza*) командовали всеми силами, находившимися в ранее описанном квадратном квартале-«крепости». Подчиненные им офицеры, командовавшие нашим сектором, находились в подвале неподалеку от нас. Рано утром мы вступили с ними в контакт, нас включили в местную боевую группу. Неожиданно хлынул ливень. Наши атаки на бывшее студенческое общежитие и бывшую Школу Политических Наук окончательно захлебнулись, и мы понесли тяжелые потери убитыми и ранеными. Немцы не контратаковали, поскольку могли уничтожить нас за счет своей огневой мощи, при этом находясь в укрытиях. Он открыли огонь из своих зенитных орудий, расположенных в парковой зоне *Mokotow*, по зданию на углу улиц *Wawelska* и *Uniwersytecka*. Этот корпус буквально зашатался от взрывов попадавших в него снарядов. Все наши бутылки с зажигательной смесью были складированы на 4-м этаже в квартире Занецки, расположенной сразу за углом на стороне улицы *Uniwersytecka*. Янушек, Зарута и я помчались вверх по лестнице и начали перетаскивать бутылки в подвальное помещение. Я навсегда запомнил следующий момент: я спускался, держа в охапке бутылки, и тут меня буквально подняла в воздух волна от взрыва артиллерийского снаряда. По счастью, я удержал бутылки в руках, и все кончилось благополучно. Так мы сохранили наше единственное оружие, способное поражать танки и поджигать здания, занятые немцами. Артиллерийский огонь нанес сильные разрушения нашим позициям, но крепкое здание, в общем, пережило артобстрел. Тем временем кольцо немецкого окружения вокруг нас сжималось все сильнее. Солдаты РОНА попытались взять штурмом соседние с нашим зданием на улицах *Mianowski*, *Pluga* и *Wawelska*. Они взяли здание Института Марии Кюри Складовской, здание военно-морского министерства и жилые дома на противоположной с улицы *Wawelska*. Мы с ужасом смотрели на то, как они гнали перед собой и мимо нас толпу гражданских...

Варшава была в огне. Вечером мы увидели море огня, бушевавшее над районами *Wola* и *Mokotow* и над центром города. Мы были отрезаны от остальных и не знали о том, что происходит в других районах города. Было ясно, что восстание в районе *Ochota* сошло на нет. Наша позиция и еще один сектор обороны на улице *Kaliska* оставались последними очагами сопротивления. Власовцы непрерывно атаковали нас. Все окна на первом этаже были забаррикадированы мешками с песком или просто заблокированы. Однако, несколько пьяных ребят из РОНА решили попытаться добраться до нас по водосточным трубам. Когда они забрались на второй этаж, их немедленно перестреляли наши часовые. Противник следовал совсему привычному распорядку и ни разу не пошел в атаку в тот вечер и в ту ночь. Единственное что мы слышали, – это шум бесчинств власовцев: рыдания насилуемых женщин и крики тех, с кем расправлялись каратели. Мы видели, как людей сжигают огнеметами в парке Института Складовской на улице *Wawelska*. Стало ясно, что придется сражаться до последнего, поскольку в любом другом случае нас прикончат эти подонки...

Солдаты РОНА в Варшаве (http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1003624/Kovtun_Ivan_-_Russkie_esesovcy.html)

Мы начали ощущать последствия минометного и пулеметного обстрела, который вели эсэсовцы из своих огневых точек в здании бывшей Школы Политических Наук. Вечером наша группа еще раз собралась в квартире Занецки на совет. Ситуация была оценена как безнадежная. Продолжение боя в изолированной точке не имело смысла и шансов на успех. Наш единственный шанс выжить и продолжить борьбу заключался в прорыве в центр города, откуда мы сможем услышать и увидеть, где продолжается основное сражение. Оттуда мы сможем попытаться соединиться с более крупным подразделением повстанцев. Однако, уйти из осажденного здания было невозможно. Единственный путь отсюда лежал через каналы городской канализации, хотя точное направления движения было нам неизвестно. Более того, тоннель, ведущий из нашего подвала к вертикальному стволу, спускающемуся к канализационной системе, не был закончен. Мы решили наладить связь с бойцами, находящимися в других частях жилого комплекса со стороны улиц *Wawelska* и *Pluga*, где в тот момент пробивали проход к канализации. Мы тронулись в путь, и Януш обронил мрачное замечание: «Это будет божий дар, если мы отсюда вырвемся». Невысокий, но боевитый Янушек добавил: «Дела не бывают настолько плохи, что уже не может быть хуже!».

На следующее утро ко всем проблемам добавилась следующая: к обстрелу из всех видов оружия присоединились два танка, открывшие огонь по углу здания со стороны парковой зоны *Mokotow*. Интенсивность обстрела нарастала с каждым часом. Мы ожидали атаки немцев с минуты на минуту. После того, как противник прекратил огонь, наступила мертвая тишина, и группы эсэсовцев и солдат из РОНА начали осторожно приближаться к нашей линии обороны. Мы располагались на втором этаже и отлично видели прилегающее пространство. Однако, когда немцы обстрел всего фасада здания из десятка или около того пулеметов, мы лишились возможности вести ответный огонь. Нам приходилось менять позицию после каждых нескольких выстрелов. И тогда мы прибегли к уловке и начали использовать «филипинки» (ручные гранаты кустарного изготовления). Один из нас, посматривая в сторону окна, давал другому, стоящему в коридоре соседней квартиры, направление броска, и тот бросал гранату через всю комнату, находясь вне зоны обстрела. Такая оборонительная тактика оказалась эффективной, и немцы, столкнувшись с нашим упорным сопротивлением, отступили, чтобы избежать дальнейших потерь.

Прошло восемь дней с начала восстания. Мы не могли прорвать кольцо окружения. Было ясно, что наши дни сочтены. Настроение у людей, особенно у гражданских, стало совсем мрачным. Волна энтузиазма, которая, которая захлестнула всех в первые дни восстания, ушла. На солдат смотрели как на людей, которые навлекли на Варшаву смерть и несчастья. Мы могли теперь ждать только чуда: например, освобождения силами Советской армии или воздушного десанта союзников. Хотя наше положение казалось безнадежным, мы продолжали сражаться и сконцентрировали все усилия на рытье тоннеля из подвала здания 15 по улице *Mianowski* в подземный канал, проходившей под улицей *Wawelska*. Стену подвала мы проломили близ угла улиц *Pluga* и *Wawelska*.

Итак, мы вступили в следующую стадию боев. Район *Okhota* был уже полностью в руках немцев, или, скорее, солдат РОНА, за исключением нашей точки обороны на углу улиц *Kaliska* и *Wawelska*. Противник

был настроен добить нас и приступил к систематическому разрушению нашего узла обороны огнем танков, противотанковых орудий и минометов. Прочное 5-этажное здание, прстроенное в конце 1930-х, начало разваливаться под непрерывным огнем. Было уже невозможно выносить грохот взрывающихся снарядов. Мы могли связываться друг с другом только через подвалы. Немцы обычно начинали атаковать рано утром, вечерами за атаками следовал артобстрел. Тем не менее, они никогда не атаковали ночью. Были только слышны крики пьяных власовцев, которые насиловали женщин и убивали всех без разбору на соседних улицах.

Начался последний день обороны – 11 августа. Я был вместе с Зарутой на втором этаже на углу улиц *Wawelska* и *Uniwersytetska*. Танки приближались, у нас было с десяток бутылок с зажигательной смесью и филипинок, которые мы сложили в коридоре около лестницы. После обычного минометного и пулеметного обстрела, танки, находящиеся на улице *Wawelska*, открыли по нам огонь. Их огонь стал столь интенсивным, что нам пришлось уйти на первый этаж. Через минут 20 стрельба затихла. Мы ждали, что вскоре в атаку пойдет пехота, и побежали на второй этаж. Я посмотрел сквозь амбразуру в забаррикадированном окне и увидел, как передовой танк продвигается по улице *Wawelska* и, приближаясь к углу с улицей *Uniwersytecka*, тащит за собой на буксире маленькую танкетку. Я сразу же узнал *Голиаф* (*Goliath* - *нагруженная взрывчаткой танкетка с дистанционным управлением – ВК*). Вскоре танкетка повернула и покатила в сторону нашего угла. Одновременно с этим немцы усилили огонь по нашей позиции со стороны здания Военно-Морского Министерства. Я все еще мог разглядеть *Голиаф*. Янушек крикнул: «Швыряй бутылки!» Я немедленно кинул две бутылки, одну за другой. Бутылки разбились, танкетка внезапно остановилась, и вверх поднялся огромный столб пламени. Мы были вне себя от радости, одолев *Голиаф*, но наш восторг длился недолго. Через несколько минут мы увидели целую группу танков, которые тащили за собой танкетки. Несколько танкеток покатались в нашу сторону. У нас оставался последний шанс оставить позицию и перебежать в подвал. Когда наша группа бежала по подвальному коридору на другую сторону здания, *Голиафы* начали взрываться. Уже позднее, после восстания, мы увидели, что угол здания был полностью разрушен и превратился в кучу щебня...

Противник продолжал обстрел с такой силой, что мы поняли: наш единственный шанс на спасение – пробраться в дренажную систему, созданную на случай наводнения. Сначала мне пришлось перебежать через дворик, затем через дырку в заборе я добрался до той части подвала, где начинался только что прорытый тоннель. В тот момент, когда забегал в подъезд, я увидел и почувствовал, как куски штукатурки летят мне в лицо – кто-то стрелял по мне из автоматического оружия. Я слышал голоса власовцев и немцев, которые пересекли двор и вошли в здание. Мчась по подвальному коридору, я услышал рыдания женщин и молитвы по погибшим. В подвале собралась большая группа гражданских, ожидающих развязки, - в свете горящих свечей я видел лица насмерть перепуганных людей. Я пробился через толпу, чтобы добраться до группы лейтенанта Раранцы. Только после войны я узнал о трагической судьбе двух групп, которая пробралась в канализационные тоннели еще до нас. Группа лейтенанта Стаха выбралась на поверхность прямо напротив немецкого поста и была полностью уничтожена. Вторая группа погибла, так и не найдя выхода из канализационной системы за пределами территории, контролируемой немцами...

Bundesarchiv Bild 146-1994-054-30
Foto: Aovens | 1944 September - Oktober

Польский повстанец вылезает на дневную поверхность из канализации. Первым делом ожидающие его немцы отбирают у него оружие

https://yandex.kz/images/search?p=4&text=warsaw%201944&img_url=http%3A%2F%2Fd.thumbs.redditmedia.com%2F9Axi-fOSFjnUa2lc.jpg&pos=127&rpt=simage&=1449508605188

Спуск в канализацию на улице *Wawelska* был открыт, и власовцы кидали в него гранаты. Нам пришлось переждать, и, когда стихли взрывы, мы стремительно проскочили это место. Через несколько минут мы были уже там, где все люки были запечатаны. Хотя путь нам уже не загораживали трупы тех, кто был убит осколками гранат, мы продвигались крайне медленно, поскольку тоннель был всего лишь 90 см в диаметре. В тоннеле был мертвая тишина, любые разговоры были строго запрещены, поскольку они могли выдать противнику наше положение.

Неожиданно я услышал грандиозный взрыв, и волна воздуха швырнула меня лицом на пол. Это был разрыв специальной гранаты, брошенной в оставленный нами позади метрах в 70 лаз. Мы ускорили движение, следуя за проводником – младшим офицером по кличке Даберко (*Daberko*), который нес факел. Потом мы приостановились, потому что подошли к развилке и не знали, куда двигаться дальше. Я подотстал, будучи последним, неожиданно потерял из виду остальных и ничего не слышал. Повинуясь интуиции, я пошел прямо. Мое решение оказалось правильным, поскольку через несколько минут я догнал своих. Теперь я ухватился за ремень последнего в цепочке и двинулся со всеми. Мы вошли в канализационную систему под вечер, и наш «марш на коленях» длился уже несколько часов. Ближе к рассвету мы добрались до вертикального ствола и сумели открыть люк после долгих усилий. Наконец мы глотнули свежего воздуха, и я выбрался по лестнице на поверхность.

Перед моими глазами были жилые здания, находившиеся на краю парковой зоны *Mokotow*. Даберко все еще находился в вертикальном стволе, приказав всем хранить тишину. Я определил, что мы оказались в квартале дорогих вилл *Kolonia Staszica Villa*, из которого ушли местные жители, и некоторые дома теперь занимали немцы. Рядом располагались немецкие зенитки. Наша группа поспешила перебежать на другую сторону улицы *Wawelska*. Рассвело. Вслед за нашим проводником мы добрались до какой-то сгоревшей виллы с большой террасой на заднем дворе, который был завален брошенными чемоданами, зимними вещами и т.п. Вилла располагалась за улицей *Langiewicza*. Под бетонным полом террасы мы обнаружили лаз высотой 80 см, через который можно было пробраться в погреб, что мы и сделали. В нем было страшно жарко, поскольку дом сгорел совсем недавно, и кирпичные стены были еще горячими. Наша группа, в которой было 10 или около того человек, забила погреб, как «сардины банку». Затем мы замаскировали входной лаз зеленью. Было приказано хранить молчание...

После восхода, когда солнечный свет проник в наш темный и душный схрон, до нас донеслись голоса немцев и власовцев. Они прочесывали дома и садики в поисках прячущихся повстанцев и ценностей. Поскольку по заднему двору были разбросаны зимние вещи и меха, в воздухе стоял отвратительный запах нафталина, и это, безусловно, помогло нам спастись. По меньшей мере, в двух случаях, мы видели, как мимо прошли солдаты противника с автоматами в руках и овчарками на поводке. Нюх собак был подавлен нафталиновой вонью, и, пройдя всего в нескольких метрах от нас, они нас так и не учуяли... Где-то в полдень один из наших ребят, который находился дальше всех от лаза, начал кашлять. Мне в голову пришла страшная мысль: «Парни, придушите его, иначе мы пропали!». После я всегда сожалел об этой жестокой, но естественной реакции на происходящее. Неожиданно над нами прогрехотала автоматная очередь, затем заговорило множество стволов. Через пару минут стрельба затихла, и до нас донеслись крики немцев и власовцев. Через лаз мы могли видеть две группы солдат: немцев, выходящих из развалин виллы, и власовцев, приближающихся к нам. Стало очевидно, что и те, и другие слышали кашель. Все они открыли огонь по соседней вилле, где, по их мнению, могли находиться повстанцы. На этот раз немцы и власовцы опять продемонстрировали обычное для них отсутствие контактов друг с другом, что было для нас большой удачей... Когда наступила темнота, трое из нашей группы получили приказ выбраться из схрона и разведать путь в центр города. Наши все еще вели там бой, что можно было определить по вспышкам выстрелов и звуку битвы. Наши разведчики вернулись и сообщили, что весь этот район – *Staszica* – оставлен местными жителями и повстанцами. Отряды немцев и власовцев заняли огромное здание госпиталя Маршала Пилсудского на бульваре *Niepodleglosci*, блок офисов на улице *Filtrowa* и несколько еще сгоревших зданий района *Staszica*. Дорога в центр города лежала только через парковую зону *Mokotow*, бульвар *Niepodleglosci* и дальше через садовые посадки в направлении улицы *Polna*.

Второй день в схроне под раскаленной террасой был еще более невыносимым. Дикая жара, отсутствие еды и воды, невозможность разогнуться – все это было страшной пыткой. Тем не менее, мы продержались весь

день. Наступила ночь, и группа была готова к броску. Каждый проверил свое оружие и гранаты и приготовился ко всему, что могло случиться. Примерно в полночь самолеты союзной авиации сбросили грузы для повстанцев, и это очень помогло нашей группе. Немецкие зенитки бесновались: все небо было пересечено множеством прожекторных лучей, в воздухе взрывались сотни снарядов, и все это отвлекло противника. Мы выбрались из схрона вслед за проводником. Как восхитительно было дышать свежим ночным воздухом и двигаться к своим! Мы пересекли улицу *Wawelska* и оказались в парковой зоне *Mokotow*, которое занимали немцы со своими зенитными батареями.

Через какое-то время мы вышли на бульвар *Niepodleglosci*, который было необходимо пересечь бегом, чтобы добраться до садовых посадок, прилегающих к улице *Polna*, где мы надеялись найти позиции повстанцев. В середине бульвара находилась широкая полоса зелени – посадок картофеля и овощей. Наши парни стали перебегать через бульвар один за другим. Сначала все шло хорошо, но затем нас заметили в свете осветительных ракет, которые пускали в воздух из окон госпиталя Пилсудского. Один из нас уже почти добрался до противоположной стороны бульвара, когда в воздух появилась ракета, осветившая всех остальных. Воздух пронзили трассы автоматных и пулеметных очередей. Пробегка через бульвар стала почти невозможной, и я залег у бордюра, поджидая возможность рискнуть. Можно было попытаться добежать до относительного укрытия – засаженной картофелем полосы зелени – за те несколько секунд до того, как в воздух взлетит очередная ракета. И такой момент настал. Я помчался к посадкам картофеля, упал и вжался в землю. Вскоре вновь началась стрельба, и я увидел красные и белые трассы, направленные на меня. Пули взрыхлили землю вокруг меня, и меня осыпали комья земли. Я почувствовал себя страшно незащищенным, лежа на животе и ожидая той самой смертельной пули. Но я дождался следующего перерыва между ракетами, пересек бульвар и забежал в садовые посадки. Однако немцы, которые теперь были начеку и знали о нашем присутствии, начали минометный обстрел садовых посадок.

Самолеты союзников исчезли, минометный и пулеметный огонь продолжался, но мы продолжали движение. Наступил рассвет... Неожиданно мы попали под автоматный огонь со стороны улицы *Polna*, где находились позиции повстанцев – нас приняли за немцев. Находясь под огнем, наши проводник и командир доползли до баррикады и начали кричать: «Друзья, не стреляйте. Мы из района *Ochota!*» Огонь прекратился. Перебегая к баррикаде, мы вновь оказались под огнем немцев. Но мы уже видели своих с бело-красными повязками – они помогли нам перебраться через баррикаду. Я увидел улыбающиеся лица молодых ребят в военной форме – простых серых комбинезонах, с польскими орлами на беретах, с оружием в руках и гранатами, заткнутыми за поясные ремни. Я не знаю, как адекватно описать этот момент: мы соединились с нашими бойцами с центра города – его части, освобожденной от немцев. Для нас это символизировало свободу всей Польши, за которую мы сражались все пять лет немецкой оккупации. Эту минуту я запомнил навсегда. После 11 дней обороны укрепленного узла на улице *Wawelska*, после кошмара, который мы испытали в канализационных тоннелях и в схроне, мы соединились со своими в освобожденном сердце Варшавы...

Во второй половине сентября батальон 'Parasol' оборонял последний плацдарм у Вислы, все еще находящийся в руках поляков. Это был последний шанс повстанцев соединиться с подчинявшимся советскому командованию и находившимся на другом берегу реки войсками генерала Берлинга (WP - Wojsko Polskie). Отряд, в котором находился автор воспоминаний, присоединился к батальону в начале сентября...

Повстанцы из батальона *Parasol* (https://commons.wikimedia.org/wiki/File:AK-soldiers_Parasol_Regiment_Warsaw_Uprising_1944.jpg)

... Немцы перешли в контратаку – несколько гранат разорвались на лестнице, со стороны двора начали стрелять. «Выходи. Веди всех в атаку. Штурмовая группа с пулеметами последует за тобой,» - сказал Jerzy. Я увидел, как наши парни с немецкими автоматами и солдаты *WP* собрались возле лаза, ведущего на поверхность из нашего схрона. Я выбрался наружу и оказался на улице *Wilanowska*. Повернув голову, я увидел, что за мной никого нет. Я сделал шаг вперед, изготовил мой *Стен* (автомат *Sten*) для стрельбы и начал кричать: «Парни, за мной!» Никто за мной не пошел, и в этот самый момент я увидел напротив себя настоящую стену огня со второго этажа фабричного корпуса. Я почувствовал жуткую боль в правом легком и резкую боль в правой руке. Мне показалось, что я умираю, что настал мой последний миг. Осветительная ракета медленно падала в Вислу. Было светло как днем, и я неожиданно отчетливо увидел троих немцев, высунувшихся из окна второго этажа здания фабрики *Spolet* с пулеметом, из которого они подстрелили меня.

Но мне повезло: в меня попали только две пули. Так или иначе, при виде немцев с пулеметом, несмотря на страшную боль, на меня нахлынула злость. Я закричал: «Вы, сукины дети!» и открыл огонь из моего *Стена*, который был установлен на стрельбу одиночными. После нескольких выстрелов *Стен* заклинило. Я перебежал улицу и упал у стены фабрики *Spolet*. У меня текла кровь из ушей и рта, кровь была везде, и я просто агонизировал от боли.

Не знаю, почему немцы не прикончили меня, когда я перебежал улицу *Wilanowska* под светом ракет. Может, я попал в кого-то из пулеметного расчета, и другие подрастерялись, увидев, что я так и не свалился, будучи подстреленным. До сих пор это тайна для меня. Человек борется за жизнь, и я боролся, решив найти себе укрытие. Как-то, находясь в патруле, я увидел дыру в стене или двери сгоревшего гаража, и внутренний голос подсказал мне, что эта дыра где-то рядом. Я пополз через двор фабрики к гаражу, было страшно больно, но я полз. Мне показалось, что прошли столетия, пока я не нашел спасительную дыру, вырезанную ацетиленовой горелкой в железной двери. Труп хозяина горелки лежал рядом. Я пробрался через дыру и свалился на какой-то металлический хлам.... В итоге я оказался на куче щебня в гаражной яме размером 2x3 м, в которой валялись автомобильные запчасти, шины, бутылки с остатками самогона и самогонный аппарат.

... Неожиданно я услышал разговор на немецком и стук подкованных сапог. Один из солдат сказал: «Kameraden, jetzt gehen wir zum Angriff.» («Парни, мы идем в атаку сейчас»). Я увидел две головы в касках, склонившиеся над ямой. Я задержал дыхание... Они так и не бросили в яму гранату, что я бы сам обязательно сделал на их месте. Я просто задышался, но тут до меня донеслись звуки команды и интенсивная стрельба. По-видимому, немцы пошли в атаку на мою группу, и это спасло мне жизнь. Каски

исчезли, и я снова начал дышать. Внутренний голос подсказал мне спрятаться за кучей шин, я перекатился по полу к этому месту и потерял сознание...

Я пришел в себя, когда дневной свет пробился через дыру в железной двери. Было тихо, но издалека доносились грохот бомбовых разрывов и стрельба. Вокруг меня валялись шины, бутылки с самогоном, на полу был рассыпан желтый сухой горох, тут же лежал котел с заплесневелым мармеладом, который пах как уксус. Должно быть, я потерял много крови: я настолько ослаб, что не мог двинуть рукой, хотя боль стихла. Я попытался снять с шеи свой *Стен*, но и на это сил не хватило. Неожиданно я увидел над собой что-то темное, по форме напоминающее человека. Как только я разглядел ствол автомата, человек открыл стрельбу. Жуткий грохот, усиленный эхом, полностью оглушил меня. Определенно, немец выпустил весь магазин. Слава богу, я прятался в углу ямы, – иначе бы от меня осталось мокрое место. Немец ушел. Я вновь услышал грохот выпускаемых им очередей: должно быть, он стрелял по трупам, подозрительным закуткам и углам...

Каким-то чудом кровотечение остановилось безо всяких перевязок, и природа победила в борьбе за мою жизнь. Время тянулось медленно. Мне нечего было есть, кроме заплесневелого мармелада и пригоршни гороха. Однако, я не испытывал голода или жажды. Какое-то странное состояние, будто я был под воздействием обезболивающего средства. Так прошло два или три дня, затем грохот взрывов вывел меня из летаргии. Артиллерийские снаряды прилетали с другого берега Вислы и падали все ближе и ближе. Неожиданно раздался взрыв колоссальной силы, за ним последовал грохот оседающей кирпичной стены. Стало темно, воздух заполнили дым и пыль. Через какое-то время, кашляя и задыхаясь от пыли, я осознал, что меня заживо похоронило в моей яме – ситуация стала безнадежной. Я знал, что смерть была готова прийти за мной с минуты на минуту. Хо́да времени я не чувствовал. По счастью, там было вентиляционное отверстие, которое давало мне свежий воздух. Меня стали посещать странные мысли. Я вспомнил своих родителей и своего брата. Тогда я еще не знал, что мой брат был убит в штабе гестапо в Кракове после неудачного покушения на жизнь генерала SS Вильгельма Коппе (Wilhelm Koppe). Мне было жаль покидать этот мир, но я с этим уже смирился. Прошло еще несколько дней. В какой-то момент я внезапно услышал стук – это стучали кирпичи прямо надо мной. Затем я увидел над собой свет и услышал людские голоса. Потом я увидел лица троих человек, склонившихся над моей ямой. Они заметили меня, затем их лица исчезли из поля зрения, но потом они вернулись, разгребли завалы вокруг меня и вытащили меня на поверхность. Я увидел вокруг себя людей в гражданской одежде. Они заговорили со мной по-польски. Небо было голубым, светило солнце, был теплый осенний день. Я был счастлив – то, что я потерял, каким-то чудом вернулось ко мне. И вдруг все изменилось. Из-за развалин гаражей появился человек в эсэсовской каске с автоматом в руках. Он подошел ко мне, снял с меня ремень с патронными сумками и кобурой и что было силы ударил меня по лицу. Я упал, и немец начал пинать меня своими подбитыми гвоздями сапогами. Наконец, он остановился и оставил меня на время в покое. Польские пленные, которые нашли меня и вытащили из ямы, дали мне воды и галет. Задачей этих людей был вынос трупов с мест боев, так как немцы боялись эпидемий близ удерживаемой ими линии фронта. Вот почему меня нашли там, где было множество трупов солдат Армии Крайовой и гражданских лиц...

Вскоре начался артобстрел с другого берега Вислы. Я видел, как мой эсэсовец куда-то побежал вместе с пленным, который тащил две коробки с патронами. Немец сказал ему передать мне обе коробки и показал мне стволом своего *Шмайссера* направление, куда я должен был идти. Коробки были страшно тяжелые, я еле тащил их. Немец стал подгонять меня более энергично, так как канонада усиливалась. Мы пошли через пустырь в направлении церкви на улице *Solec* – туда, где раньше находился наш командный пункт. Этот переход был невыносим для меня. Я все время падал, и эсэсовец остановился и начал пинать меня. Боль подняла меня на ноги. Я встал и снова двинулся в путь. Мы входили в церковь, когда взрыв советского снаряда осыпал нас землей. Я поставил ящики с патронами в ризницу рядом с группой эсэсовцев. Мой «охранитель» снова погна́л меня в дорогу. Мы направились в немецкий штаб, расположенный в шестизэтажном здании на улице *Wilanowska*. Несмотря на боль и крайнюю степень истощения, я добрался до места. Эсэсовец оставил меня на первом этаже в комнате рядом с главным входом и исчез. Рядом со мной сидели солдаты Вермахта и ели хлеб с консервами. Лежа на полу, я смотрел на них и чувствовал запах еды. Один из них поймал мой взгляд и дал мне банку с мясом и кусок хлеба. Я начал потихоньку есть, так как был настолько слаб, что даже еда изнуряла меня. Через какое-то время двое солдат ушли в сторону главного входа. Неожиданно за этим последовал взрыв. Стало темно от дыма и падающей штукатурки, часть стены рядом с дверью обвалилась. Казалось, это был конец. Однако, здание устояло: советский снаряд взорвался прямо напротив входа. Донеслись стоны и возгласный крик: "Hilfe!" (Помогите мне). Немцы приступили к делу. Они притащили тело убитого солдата – того, который только что вышел из комнаты, затем внесли человека со страшно раздробленными ногами, всего в крови. Это был тот самый, который

орал – теперь он молча лежал и ждал медицинской помощи. Пришли немцы с носилками и унесли его. Должно быть, там было много убитых и раненых, поскольку спасательная операция заняла много времени. Затем в комнату пришли польские пленные с кирками. Они должны были раскопать подвал, который засыпало. Один из них остановился возле меня и сказал: «Слушай, я постараюсь принести тебе гражданскую одежду, здесь ее полно. Сними свою немецкую форму, переоденься, иначе тебя расстреляют как бандита.» Он сдержал обещание, придя через какое-то время с черным пальто и серым шерстяным костюмом. Костюм был мне велик, но пальто сидело отлично. Я в момент переоделся и спрятал свои немецкие солдатские брюки в гараже. Сделано это было вовремя, так как «мой» эсэсовец, сопровождаемый еще двумя, вошел в комнату. Увидев меня в гражданском, он в гневе треснул меня и приказал двум другим конвоировать меня.

Мы вышли во двор через окно, так как вход в здание был завален, и направились в сторону улицы *Solec*. По счастью, артобстрел прекратился. Мы добрались до здания госпиталя Красного Креста – в нем располагался штаб занявших оборону по берегу Вислы немцев и военные склады. Подгоняя меня стволами своих автоматов, Эсэсовцы швырнули меня в небольшой подвал и закрыли его тяжелой стальной дверью, оставив меня в темноте. Лежа на бетонном полу, я ждал решения своей участи. Вскоре пришли солдаты Вермахта и отвели меня в большой подвал, где за столом сидело несколько немецких офицеров и один солдат за печатной машинкой.

Мои конвоиры ушли, и мне предложили сесть. Это был военно-полевой суд, как мне было сказано. Они хотели узнать у меня о том, где могут прятаться люди из моего отряда. Я начала лихорадочно обдумывать это и пришел к заключению, что если я признаю свою принадлежность к Армии Крайовой, меня расстреляют как бандита. Поскольку я не увидел «своего» эсэсовца среди допрашивающих и уже был в гражданской одежде, я решил соврать и все отрицать. Переводчик неважно знал польский, тогда как я в совершенстве владел немецким, так что я начал рассказывать свою версию событий. «Разумеется, меня обнаружили одетым в немецкую униформу, но я снял ее с убитого повстанца, так как моя собственная одежда была полностью изношена.» Я думал о том, что мои 16 лет, мой изможденный вид и беглый немецкий должны мне помочь. Продолжил я рассказом о том, что оказался в своем укрытии случайно, получив ранение в районе боевых действий, что потерял всю свою семью, погибшую под развалинами, что я был сам по себе и ничего не знаю о схронах повстанцев, с которыми не имел ничего общего. История была короткой, солдат ее напечатал, и офицеры холодно посмотрели на меня. Меня не били и не заставляли в чем-то признаваться силой. Когда я закончил свой рассказ, офицеры перекинулись какими-то негромкими фразами, и затем один из них повернулся ко мне и сказал: «Молодой человек, вы – бандит, поскольку для этого есть достаточно свидетельств со стороны солдат, которые вас нашли. Если вы не хотите рассказать нам то, о чем вас спрашивают, сегодня вас расстреляют.» Допрос завершился, приговор был оглашен... Меня отвели обратно в тот же подвал и оставили одного. В голове у меня было пусто, я ничего не чувствовал. Через какое-то время дверь открылась, и вошел офицер Вермахта примерно 50 лет на вид. Увидев гражданского, лежавшего на полу, он спросил меня, что я тут делаю и чего дожидаясь. Я ответил, что жду казни, и повторил свою выдуманную историю. В тот момент я благодарил Бога за то, что знаю немецкий и могу говорить с ним – это был мой последний шанс. Офицер поверил мне, посмотрел на меня с жалостью и сказал, что постарается помочь мне, насколько у него хватит власти. Он ушел, и я заснул – это был полусон, что-то вроде летаргии, из которой меня вывели грохот двери подвала и звуки голосов. Неожиданно мое сердце дрогнуло: я увидел троих эсэсовцев в черной форме, в касках и с автоматами. «Моя смерть пришла,» - подумал я, но затем заметил «моего» офицера Вермахта за ними. Он обратился ко мне в неформальном тоне: «Молодой человек, вас не расстреляют. Вы пойдете с солдатами SS в полицейский лагерь (*SS Polizei Sonder Lager*), где будет работать в особой группе, занятой в уборке трупов и разборке баррикад в центре города. Вечером в лагерь отправят грузовик, так что ждите здесь и укройтесь брезентом. Я делаю это без согласия местных властей, то есть вас все еще могут расстрелять. У меня есть сын немного старше вас, он сражается на Восточном фронте. Может быть, то, что я помогаю вам, вернет мне моего сына с помощью других людей, когда она ему понадобится. Я желаю вам пережить войну и всего наилучшего.» Затем он протянул мне руку. Это было первый и последний раз, когда я пожал руку немецкому офицеру...

Мой спаситель ушел, и солдаты SS повели меня на армейский склад. Там меня затолкали под брезентовый чехол, закрывавший кузов грузовика, набитый ящиками и бочками. Наступили сумерки. Я лежал на каком-то ящике, изнемогая от боли, когда услышал голоса рядом с грузовиком. «Может, они ищут меня,» - мелькнуло у меня в голове. Неожиданно прогремело несколько взрывов, за ними последовали рев двигателей бомбардировщика у меня над головой и опять взрывы бомб. Это был налет советских бомбардировщиков. Их целью были позиции немцев в районе моста Понятовского. Зенитки открыли огонь по самолетам... Неожиданно кто-то запрыгнул в кузов. Я услышал, как завелся двигатель и почувствовал, как

мы тронулись. Двое эсэсовцев забрались в кузов под брезент. Грузовик набрал скорость и поехал по раздолбанной недавними боями улице. Я почти потерял сознание от острой боли. Мы ехали около 45 минут и, наконец, остановились напротив здания из красного кирпича. Это был полицейский лагерь SS в районе *Wola* неподалеку от улицы *Gorczevska* – недостроенное трехэтажное здание с большими комнатами. В комнатах были деревянные двухъярусные нары для заключенных, все в них было чисто и аккуратно. Два жандарма с автоматами *Bergmann* сидели у главного входа. Я увидел их и подумал: «Ну вот я и упал со сковородки в огонь. Долго я в таком лагере не протяну...»

Лагерь был только временным пристанищем для нескольких сотен польских рабочих, которых использовали для разборки баррикад и уборки трупов, при этом из квартир и подвалов вывозилось все сколь-нибудь ценное, после чего здания поджигали и взрывали специальные подразделения. С заключенными, в общем, обращались относительно хорошо. Их неплохо кормили пищей, приготовленной на местной полевой кухне. Лагерь имел большой огороженный колючей проволокой плац напротив здания. В каждом из четырех углов вместо сторожевых башен стояли танки. Конвоировавшие меня эсэсовцы ушли, передав меня на попечение жандармов. Меня отвели на второй этаж, дали одеяло и показали на место на нарах второго яруса. Наступил темный октябрьский вечер. Мои товарищи по заключению делали для меня все, что могли: дали большой кусок хлеба с маргарином, банку консервов, шоколадку и чашку кофе. Это было прекрасно, и вкус у всего этого был восхитительный. Я уснул, укрытый двумя одеялами (мой сосед по нарам дал мне еще одно)...

Подъем в лагере был в 5 часов утра. Я быстро оделся и пошел вниз на место сбора. Там каждому выдавали чашку воды, чтобы человек мог умыться. Там же была полевая кухня. Раздали эрзац-кофе, хлеб с мармеладом и кубик маргарина. После завтрака нас разделили на рабочие команды по 15-20 человек с тремя охранниками, приставленными к каждой из них. Мою команду вывели на улицу. Мы промаршировали по узкой улице, разбитой воронками от бомб и вышли на улицу *Wolska*. Это был проезд, который немцы использовали для подвоза грузов в варшавский гарнизон, поэтому он был расчищен. На улице *Mlynarska* я увидел остатки баррикады, над которой возвышался открытый черный зонтик, изрешеченный пулями. «Наверное, наши ребята установили его в качестве символа батальона *Parasol* во время боев в районе *Wola*,» - подумал я. Мы шли по улице *Wolska* в мертвой тишине. В воздухе стоял запах гари и дыма, повсюду были видны руины домов. Это была панорама Варшавы – города мертвых... Мы подошли к зданию пивоварни *Habersbuch* и увидели группу украинцев-эсэсовцев из РОНА. Наш охранник переговорил с командиром отряда украинцев, и они приказали нам спуститься в подвал одного из зданий. Подвалы здесь были двухуровневыми – в них были пивные бочки и различное оборудование для варки пива, всюду были разбросаны мешки с ячменем. Запах бродящего пива ударил нас в голову. Мы спустились на нижний уровень, частично залитый водой и пивом. Наш конвой и украинцы остановились и сказали нам набрать специальными черпаками пива в заготовленные ведра. Мы взяли ведра, один из наших парней повернул кран бочки, и мы сформировали цепочку, передавая ведра с пивом группе немцев. Так мы проработали несколько часов, опустошив полную бочку. Наконец прозвучала команда закончить работу и подняться наверх. Неожиданно фонарь одного из наших конвоиров погас, и над нашими головами пронесли атоматные очереди. Я остановился, присел, наполовину погрузившись в пиво, и подумал: «Черт, что за глупая смерть меня ждет.» Но тут свет опять зажегся, и мы услышали гогот пьяных украинцев. Это была «шутка» – так нас хотели припугнуть...

Мы поднялись на первый этаж. Грузовики, загруженные канистрами с пивом, уехали, а нас повели выполнять другое задание. На этот раз нам пришлось вытаскивать одежду и меховые изделия из подвалов жилых зданий. Немцы педантично опустошали все перед тем, как окончательно разрушить город.

Через два дня работы в лагере, во время разборки баррикады на улице *Zelazna*, у меня открылось кровотечение. Моя рана еще не зажила, хотя пуля прошла через легкое и вышла со спины. Мне повезло: я бы давно умер в условиях отсутствия медицинской помощи и полной антисанитарии, если бы пуля застряла в моем теле. Однако, когда я поднимал тяжелые бетонные блоки, которые до этого выламывали из тротуаров для постройки баррикад, я почувствовал, как струя крови хлынула у меня изо рта. Я упал на землю и почувствовал, что жизненные силы покидают меня. Немец-конвоир подошел, посмотрел на меня и начал снимать с плеча свой автомат. Я смотрел на него и осознавал, что пришел мой конец. Но вновь меня спас какой-то пустяк: еще один немец-охранник подошел к нам и сказал, что в лагерь необходимо вернуть такое же количество заключенных, какое покинуло лагерь, и что меня можно будет пристрелить потом, если я еще буду жив. Немцы боялись легочных заболеваний и приняли то, что увидели, за симптом туберкулеза. На какое-то время я был спасен, и кровотечение само по себе остановилось. Мои товарищи отнесли меня в лагерь, где я почувствовал себя лучше. Вскоре из-за состояния моего здоровья и юного возраста, который

мне тоже помог, я получил работу на кухне. Поваром был *фольксдойче* из Латвии – он был рад тому, что я говорю по-немецки. Я ему понравился, и он давал мне легкую работу: чистить картошку и турнепс.

Дни тянулись медленно. Как-то ночью нас разбудил лай собак и крики немцев. Группа немцев ввалилась в нашу комнату, один из них начал наносить удары палкой каждому первому и десятому заключенного. Тут же несколько нецев схватили полусонного заключенного и вывели его из помещения. При этом они вели счет: *ein, zwei, drei* и так далее. Я оказался номером три и остался. Затем нас вывели на плац, и один из офицеров обратился к нам с короткой речью. Он сказал, что несколько заключенных совершили побег, вероятно, подкупив водителя немецкого грузовика, покидавшего Варшаву. Было принято решение казнить некоторое количество заключенных в назидание остальным. Через какое-то время по группе отобранных заключенных открыли огонь пулеметы. Все случилось в одно мгновение и обошлось без единого вскрика...

Лагерь оцепенел от страха перед возможным уничтожением всех. Пошли слухи о том, что готовится транспорт для отправки нас в казовые камеры Освенцима... Наступил день, когда повар обратился ко мне и спросил, хочу ли я жить. Когда я ответил «да», он сказал, что мне лучше заболеть, поскольку это будет моим единственным спасением. Слухи о скорой ликвидации лагеря подтверждались. Единственным шансом на спасение было следующее: свалиться в горячке, обратиться к эсэсовскому врачу, быть вывезенным из лагеря в пункт сортировки пленных, расположенный в католической церкви в районе *Wola*, оттуда – в пересылочный лагерь в городке *Pruszkow* (Прушков, расположен недалеко от Варшавы), а дальше либо в Германию, либо на свободу. Я принял совет повара: он накормил меня гнилыми помидорами и дал запить какой-то загрязненной водой. Я свалился в горячке с жесточайшим поносом. Померяв мне температуру и оценив мое состояние как «заключенный, не способный работать», эсэсовский врач махнул рукой и приказал отправить меня в пункт сортировки. Больше я никогда не встречал «моего» повара.

Небольшая церковушка в районе *Wola* была пунктом отправки переживших восстание варшавян на станцию Западная Варшава для посадки в эшелоны, отправлявшиеся в Прушков. Отряды украинцев и немецких эсэсовцев имели здесь свой последний шанс ограбить, изнасиловать или просто убить оставшихся в живых. Мой охранник провел меня в церковь, доложил местным эсэсовцам и ушел. Я остался лежать на холодном мраморном полу, изнемогая от лихорадки и поноса...

В церкви было сумрачно. Группа раненых лежала на полу рядом со мной, рядом были медсестры из эвакуированного госпиталя. Неподалеку от нас на двух чемоданах и куче вещей сидел упитанный мужчина. Он выглядел как мародер из пригорода, появившийся в центре столицы для того, чтобы пожить. Он сидел и ел большой кусок колбасы. Рядом с алтарем какие-то пожилые люди молились вслух. Где-то позади меня плакал ребенок, доносились женские рыдания. Украинцы и эсэсовцы шастали по церкви и разглядывали людей. Они, очевидно, искали молодых женщин, ценные вещи и часы. Неожиданно я услышал шум и крики неподалеку от себя. Затем я увидел, как «мародера» начали бить прикладами эсэсовцы. Его чемоданы раскрыли и швырнули на пол, награбленные им вещи разлетелись по полу. Один из немцев продолжал безжалостно избивать его, затем приказал ему подняться и вывел из церкви. До меня донесся грохот выстрелов, затем немец быстро вернулся и начал рыться в вещах убитого им человека. При этом он поглядывал на меня, но все обошлось.

Через несколько часов ожидания, сопровождавшегося выстрелами и стонами умирающих где-то рядом с церковью людей и криками пьяных украинцев, нас вывели из церкви. Колонну больных, изможденных людей повели к железнодорожной станции. Люди выглядели столь жалко, что группы немецких солдат, мимо которых нас вели, уже не пытались никого обыскать и ограбить – они всего лишь фотографировали нас. Через пару часов мы добрались до стоявшего на путях эшелона, состоявшего из вагонов для скота, частично загруженных вещами, награбленными в Варшаве. Нас загнали в вагоны, окна которых были забраны решеткой. Казалось, больше людей в них было уже невозможно затолкать, но немцы продолжали загонять в них людей из других колонн. В конце концов, они задвинули двери и зверли их. Мы услышали свист локомотива и крики конвоиров, когда состав медленно тронулся в направлении Прушкова. Я все еще чувствовал септя отвратительно: слабость, понос и вши терзали меня.

Теперь мне уже было все равно, что случится с нами. Кто-то сказал шепотом, что на двери повесили свинцовые пломбы и это значит, что нас везут в Освенцим. Пессимистов было больше чем достаточно, но некоторые пытались спорить. Кто-то негромко молился, из разных углов вагона доносились рыдания. Эшелон набирал скорость... Перегон оказался относительно коротким. Когда мы остановились, двери открылись, и конвоиры вывели нас на погрузочную рампу. Я увидел польских железнодорожников, здания станционных мастерских и надпись: *Pruszkow*. Боже мой, все-таки, мы еще не в Освенциме! В моем сердце

вновь поселились вера и надежда. Появился шанс выжить и выкарабкаться из этого. Нас вывели из вагонов и загнали в просторное помещение какого-то ремонтного цеха. Я увидел двух , стоявших в стороне женщин с нарукавными повязками Красного Креста. То есть, немцы разрешили им что-то делать после всего, и это означало, что лагерь с заключенными не будет ликвидирован, подумал я. Это еще больше подняло мне настроение.

В Прушкове закончился варшавский этап моей жизни. Я прошел через множество ситуаций, когда моя жизнь висела на волоске, но каким-то чудом я выжил. Провидение, молитвы матери или мой ангел-хранитель спасли меня, или просто мое время умирать еще не пришло...

Прушков. Капитулировавшие поляки у полевой кухни
(http://www.sppw1944.org/index.html?http://www.sppw1944.org/powstanie/powstanie_oboz_ru.html)

Оригинальный текст: [warsawuprising.com>witness/ulankiewicz1.htm](http://warsawuprising.com/witness/ulankiewicz1.htm)

Перевод и обработка – Владимир Крупник